

Заметки о блокаде Ленинграда

Оглавление

Город и горожане.....	1
Бомбёжки и обстрелы.....	3
О еде.....	5
Умершие и умирающие.....	6

Город и горожане.

С началом войны немцы пошли на Ленинград очень скоро. У нас стали объявлять воздушные тревоги. Мерзко редела сирена и люди должны были идти в бомбоубежище или с детьми в газоубежище, которые были построены задолго до войны на месте дровяных подвалов. Но ничего не происходило. Скоро мы перестали туда ходить. Иногда тревоги были длинными, хотя совершенно незаметными, а ходить по улицам было нельзя – дворники загонят в ближайшую подворотню. Поэтому большим облегчением стал стучащий по радио метроном: часто стучит – не выходи! А сирену заменило объявление по радио. Город стал военным. Чердаки оборудовали защитой от зажигалок. Там дежурили старшие школьники. Они же дежурили в подъездах.

Вечерами небо покрывали аэростаты на тросах – защита от самолётов. Витрины магазинов заложили мешками с песком и обшили досками. Крупные скульптуры тоже заложили мешками или зарыли в землю. Только Суворов гордо стоял против Марсова поля: для воина было недостойно прятаться от врага. Все жители заклеили оконные стёкла бумажными крестами: считалось что они защитят стёкла при взрыве.

Все неорганизованные люди мобилизовались на работу по строительству оборонительных сооружений, обычно на три дня. Иногда это были работы в самом городе. Там где было далеко от домов, и значит от бомбоубежищ, копали «щели».

Строго соблюдалось затемнение. Продавались чёрные шторы, вроде рублида. Если в окне оставалась малейшая щель с улицы раздавался свисток и этаж нарушителя. Поэтому на улицах было темно как в погребе. Чтобы не наткаться друг на друга прохожие носили фосфорные значки, которые заряжались от света электроламп. Свою парадную приходилось находить наощупь. Потом там догадались зажечь синие лампочки.

Электрический свет скоро погас. Потом он неожиданно загорался на короткое время, и так же неожиданно гас вновь.

До войны Ленинград отапливался дровами. Летом баржи привозили на дровяной склад двухметровые поленья, которые жители покупали по ордеру и увозили в свой сарай, предварительно их напилив и нарубив. Военным же летом дров не завезли. Конечно, были какие то старые запасы, но этого было мало и копить по настоящему никто не рискнул. Кроме того надо было варить пищу. Примусы замолчали за отсутствием керосина. Все жители завелись «буржуйками» - небольшими жестяными печурками. Мы вывели трубу своей буржуйки в дверцу печи, сэкономив таким образом тепло, и даже закрывали трубу печи вьюшкой.

Когда хранившиеся на кухне дрова кончились, мы увидели что все дрова в сарае украдены. Сохранилось лишь огромное двухметровое бревно, вмёрзшее в лёд. Мы с мамой боролись с ним два дня, и победили!

Потом приходилось обходиться найденными кое где остатками и обломками.

Вода исчезла в квартире скоро. Некоторое время она ещё лилась из крана во дворе соседнего дома. Потом за ней пришлось ходить на Ждановку, где была прорубь, обросшая ледяной горой. Труднее всего было влезать на верх по обледневшему вогнутому склону. Мы пробовали растапливать снег. Он был очень белый, но вода из него получалась грязной: где то в пути он набирался гари. А главное для него требовалось много топлива.

Очень печально, что с отсутствием воды перестала работать и канализация, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

«Не дам забыть, как падал Ленинградец на жёлтый снег пустынных площадей». О. Берггольц.

В конце марта или может апреля нам пришлось чистить город своими силами. К счастью, зима была удивительно свирепой, и эпидемии не случилось.

<http://шелагина.рф>

Бомбёжки и обстрелы.

Первый авианалёт на город был 8 сентября, ставший днём начала блокады. От него не спасли висящие над городом аэростаты. Это был массивный налёт со множеством зажигалок. Город весь пылал. Мы сидели на крыше и видели вокруг кольцо огня. Говорят ещё 6 сентября прорвалось несколько самолётов, но мы с сестрой этого не заметили. После 8 сентября бомбёжки стали постоянными. Аэростаты их не удержали, спасали зенитки. И в тёмное время в каждую тревогу по небу шарили прожекторы, пересекаясь друг с другом. Наверно где то сбрасывали зажигалки, но мне запомнились фугаски, бомбы, предназначенные для разрушения крупных зданий. Они были разного размера. Мне запомнились шестиэтажные дома, разрезанные сверху донизу. Один недалеко от Биржевого моста, другой, на Пушкинской, где уцелела стена кухни и где на всех этажах висели одинаковые кухонные раковины. Менее живописным оказался дом на Большом проспекте недалеко от Каменноостровского. Очень страшно грохнулся сбитый зенитками со всеми бомбами самолёт. Вероятно он направлялся на печатный Двор, но упал на церковь на углу улиц Гисляровского и Зеленина. В этот единственный раз наш дом ощутил качнулся и тяжеленный книжный шкаф, встав на передние ножки, собирался упасть на нас, но раздумал. Фугаска весом в тонну упала на территорию госпиталя в больнице Эрисмана, и не взорвалась. Она умудрилась влететь в бетонный бассейн фонтана, что очень затрудняло её обезвреживание. На это время раненых пришлось перевезти. Говорили, что пленные, принуждённые работать в Германии старались, по возможности портить им бомбы. Кроме таких огромных бомбищ было великое множество более мелких. Теперь мы иногда ходили в бомбоубежище, где обзавелись вшами.

Очень страшной была бомбёжка 7 ноября, когда в Москве проходил парад войск. Я думаю что в этот день наши самолёты отправились защищать Москву, а нападавшие на неё немцы переместились на Ленинград. Это была самая страшная бомбёжка за всё время. Больше таких налётов не случалось, хотя постоянные бомбёжки не прекращались.

Кроме города немцы бомбили Ладогу – водный и ледовый путь по ней. Но когда морозы стали очень сильными, полёты немецких самолётов прекратились. Чем-то их топливу не нравились наши морозы. Морозы были даже больше, чем во время Финской войны, когда погибли многие ели. Мороз зашкаливал за 40. Но очень усилились артобстрелы. С немецкой аккуратностью они проводились систематически.

Однажды я захотела узнать, почему не пришла в школу Валя Озерская. На четвёртом этаже на лестнице не оказалось трёх ступенек подряд, правда сохранились перила. Не долго думая я перебралась наверх. В квартире мне сказали, что Валя поступила на завод, и сейчас находится на работе.

Обстрелы стали обыденностью. Шли они обычно с юга, появились надписи: «Эта сторона улицы наиболее опасна». От артобстрела защиты быть не мог-

ло. Но радио каждый раз сообщало об обстреле, подвергавшегося ему района. Но мы не прятались, а шли куда надо. Только перейти мост при артобстреле было невозможно. Не пропускал стоящий там милиционер. Это было большой неприятностью.

В августе я видела как разрушены цеха завода имени Свердлова. Он изготавливал корпуса снарядов (заряжались взрывчаткой они в Ораниенбауме). Большинство цехов завода превратились высокие продолговатые груды, чем то напоминающие землю, а уцелевшие продолжали работать. Самый шквальный артобстрел нашего района случился где-то около 24 января возле Ситного рынка, где получилась сплошная каша из людей. Видимо там и погиб мой брат Вова. Но больше я таких обстрелов не слышала. Самым же страшным был голод.

<http://шеллагина.рф>

О еде.

Продовольственные карточки были введены в Ленинграде 10 июля. выделялись 4 категории. Рабочие, служащие, иждивенцы и дети. Главными были хлебобулочные изделия, которых полагалось соответственно на день 800, 600, 400 и 400 грамм. Детские карточки полностью отоваривались булкой (белый хлеб), остальным категориям булкой отоваривалась незначительная часть. Для нашей семьи рабочей, служащей и двух иждивенцев это составляло 900 гр.

Карточки на прочие продукты имели размер, пропорциональный хлебу. Это были карточки на крупу, мясо, жиры и сахар. Точного размера продуктов на них я не помню, но зато хорошо помню что карточки это ещё не продукты. Уже в июле я бегала по всем магазинам района, пытаюсь выкупить сосиски или колбасу, но мне их везде не хватало, и с окончанием месяца карточки на мясо пропали. правда в июле с прочими продуктами всё было благополучно. Я забыла сказать, что вскоре после Ленинграда продовольственные карточки были введены во всей стране, и в том же самом размере.

Весь август я проработала на постройке оборонительных сооружений, где нас кормили без всяких карточек, очевидно по максимальной норме, и я не знаю как менялась обстановка в Ленинграде в это время. Вернувшись в Ленинград, я увидела, что там стало далеко не сытно. Это была ещё не блокада, но очевидно с завозом продовольствия стало очень плохо. Единственная железная дорога на восток и водный путь баржами по Ладоге подвергались непрерывной бомбёжке. В продовольственных магазинах был только зелёный сельдерей и мы, тогда ещё на примусе, варили его вместе с чечевицей, закупленной предусмотрительной мамой ещё в июне, в магазине «Фураж». (В те времена чечевица, наряду с овсом и жмыхом считалась пригодной только на корм скоту). В дальнейшем, нормы продуктов и их реальная выдача ухудшались постоянно. Помню только что в ноябре норма хлеба для иждивенцев составляла 200 грамм, а потом 125, и люди начали умирать. Массовая гибель от голода происходила весь декабрь, январь, февраль.

<http://шелагина.рф>

Умершие и умирающие.

Первых умерших от голода пытались хоронить в гробах. Гроб можно было сделать за хлеб, иногда по его же карточке и отвезти на кладбище своими силами на санках. Так женщины хоронили моего дядю - Сергея Антоновича и его сына младенца Коленьку. Гроб поставили в вырытый бульдозером на Серафимовском кладбище ров, ставший братской могилой. Поставленная вместо креста палочка не уцелела. В декабре о такой роскоши как гроб уже не думали. Умерших зашивали во что-нибудь и везли в тот же ров. А многих и некому было хоронить. Люди умирали на ходу, и идя по тропинке их приходилось перешагивать. Не знаю кто убирал трупы, но видимо их убирали. Мама рассказывала, что идя утром на работу несколько раз видела как по большому ехала полуторка, полная мертвецов, почему-то голых, прямо на которых сидели две женщины, очевидно грузчицы. Один раз прямо перед нею упала женская нога, в чулке и туфле. Разумеется мама её не подняла, хотя немного призадумалась над нею. Мы считаем что она поступила правильно.

Многие умирали дома. И эти квартиры были обычно раскрыты. По ним парами ходили девушки-комсомолки, отыскивая малых детей, переживших родителей. Их относили в больницы. Может быть они как-то заботились и о живых взрослых.

Больницы понятно существовали, но соприкоснуться с ними мне не пришлось. Не представляю как там могли лечить дистрофию, но думаю что карточки там всё-таки отоваривали. Где возможно трупы сжигали. Рассказывали, что этим страшным делом занимались на кирпичном заводе, перепрофилированном под крематорий. Завод находился на Международном проспекте, недалеко от больницы. Работавшие там женщины получали для еды что-то дополнительно, скорее всего водку. топливам служили брёвна окрестных пригородов. Теперь на этом месте находится московский Парк Победы. Деревья в нём растут очень хорошо.

В нашем районе указывали на небольшой каменный домишко, где-то между Гатчинской и Зеленина, в котором тоже будто бы сжигали трупы. Но это уже было совсем мало.

<http://шелагина.рф>